

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4 (109). С. 95–104.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 4 (109), pp. 95–104.

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-4-109-9>

Способы представления чужой речи в романе Д. Рубиной «Маньяк Гуревич»

Валентина Николаевна Ткачева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
valentinaram271@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>

Аннотация. Статья посвящена синтаксической интерпретации способов представления чужой речи в прозе Д. Рубиной на материале романа «Маньяк Гуревич» (2021). Проанализированы причины их выбора, факторы и специфика функционирования в тексте. Особое внимание в работе уделяется трансформации представления чужой речи с учетом дифференциации сфер автора, повествователя, персонажей.

Ключевые слова: современная русская проза, чужая речь, способы представления чужой речи, синтаксическая интерпретация текста

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора И. А. Мартяновой.

Для цитирования: Ткачева В. Н. Способы представления чужой речи в романе Д. Рубиной «Маньяк Гуревич» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4 (109). С. 95–104. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-4-109-9>.

The ways of introducing someone else's speech in D. Rubina's novel "Maniac Gurevich"

Valentina N. Tkacheva

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,
valentinaram271@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>

Abstract. The article considers the ways of introducing other people's speech in Dina Rubina's prose by the material of her novel "Maniac Gurevich". It also presents an analysis of the reasons for the choice of these ways and their functions in the text. The article focuses on introducing someone else's speech, differentiating the areas of the author, narrator, and characters.

Keywords: Russian modern prose, someone else's speech, ways of introducing someone else's speech, syntactic interpretation of text

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor I. A. Mart'ianova.

For citation: Tkacheva V. N. The ways of introducing someone else's speech in D. Rubina's novel "Maniac Gurevich". *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 4 (109), pp. 95–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-4-109-9>.

Введение

Современная литература демонстрирует различные способы представления чужой речи (как традиционные, так и претерпевшие некоторые изменения). В большинстве лингвистических работ на материале прозы конца XX – первых десятилетий XXI в. внимание уделяется лексической составляющей текста. Однако его грамматическая интерпретация остается недостаточной.

Членами научной школы профессора С. Г. Ильенко¹ (Н. И. Чирковой², Н. В. Максимовой³, А. В. Логиновым⁴, Ф. Б. Аманалиевой⁵, А. П. Стельмашук⁶ и др.) проводились исследования чужой речи в классических художественных, научных и научно-популярных текстах. В них развиваются представления об уникальности конструкции с прямой речью, о феномене чужой речи, соотношении понятий *свой, чужой, другой, иной*, формах диалога и проч.

Современные прозаики (А. Матвеева, Т. Толстая, Л. Петрушевская, Е. Водолазкин и др.), стремясь к изображению речевой полифонии, демонстрируют изменение разнообразных способов ее передачи, выбор которых обусловлен индивидуальным стилем автора, жанром произведения и иными факторами. Особое место в современном литературном процессе занимает разножанровая проза Д. Рубиной. Ее произведения характеризуются вниманием к звучащей речи, присутствующей во многих из них в абсолютном начале («Синдром Петрушки», «Русская канарейка», «Завтра как обычно» и др.); иногда рассказы героев получают специальное графическое оформление («Наполеонов обоз»). В текстах Рубиной функционируют стабилизированные высказывания, актуализирующие переключение голосов.

Объектом статьи стал роман «Маньяк Гуревич»⁷, в котором чужая речь выполняет различные текстообразующие функции (интеграции, делимитации и др.). В основе сюжета данного произведения лежит история врача-психиатра, нашего современника, интеллигента, воспитанного в Ленинграде. Этот роман характеризуется сложным хронотопом. В нем представлены разные локусы, значительная часть действия происходит в прошлом (воспоминания о детстве Гуревича, о случаях из его врачеб-

¹ Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 620–637.

² Чиркова Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте (на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. 19 с.

³ Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. Москва: Издательский центр РГГУ, 2005. 316 с.

⁴ Логинов А. В. Вопросительное предложение и вопросо-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. 18 с.

⁵ Аманалиева Ф. Б. Недialogические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: [б. и.], 1989. 17 с.

⁶ Стельмашук А. П. Функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле (на материале подязыка медицины): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: [б. и.], 1987. 15 с.

⁷ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. 512 с.

ной практики) и в настоящем (становление личности героя, семейные взаимоотношения); финал произведения открыт, устремлен в будущее. Представляется, что подходить к интерпретации способов передачи чужой речи в романе «Маньяк Гуревич» необходимо с учетом этих особенностей.

Основная часть

Как уже отмечалось ранее, для творчества Д. Рубиной характерно тематическое и жанровое разнообразие. Ей интересны люди различных возрастов, национальностей, профессий, причем не только творческих. Автору важно показать гармонию семейных взаимоотношений, неразрывность связей с близкими, теплоту воспоминаний о детстве, это отличает Рубину от других современных прозаиков. Например, дисгармоничность художественного мировосприятия такого выдающегося писателя, как Л. Петрушевская, проявляется в разнообразных текстовых аномалиях. В прозе Рубиной представлены речевые сферы (внешняя и внутренняя) образов автора, повествователя, персонажей и многообразие способов их передачи: конструкция с прямой речью (далее – КПр), конструкция с косвенной речью, несобственно-прямая речь и тематическая речь, свободная прямая речь, диалог, диалогема¹.

Внимание к чужой речи пронизывает не только сюжет, но и композицию романа. Сам смысл его названия раскрывается с помощью отсылки к высказываниям различных персонажей. Словосочетание *маньяк Гуревич* и производные от слова *маньяк* актуализированы в речи его отца, одноклассников, друзей, коллег, пациентов, жены:

Ну-у, Гуревич, ты и вправду маньяк! Маньяк ты, Гуревич!²

Катя яростно хотела сберечь семью, маленького сына и дурака мужа, этого «маньяка справедливости»³.

Называя так Гуревича, автор и персонажи подчеркивают его маниакальную предрасположенность профессии, неординарность личности, творческую натуру.

Другой отличительной особенностью романа является то, что в каждой из его частей есть только одна глава, название которой, в отличие от других, заключается в кавычки. Оно создает текстовую пресуппозицию, апеллируя к предикативному (концептуально и структурно значимому) фрагменту⁴ («Папа пришел!»⁵, «Душа моя!»⁶), фокусируя внимание на роли чужой речи в его развертывании.

Анализируемый роман представляет собой характерную для Рубиной мозаику историй главных и второстепенных персонажей, слова которых остались в памяти Гуревича. Их повтор интегрирует текст, актуализируя ретроспективные связи:

¹ Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 385.

² Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 68.

³ Там же. С. 125.

⁴ Баталова Т. М. Соотношения предикативных и релятивных отрезков текста (на материале английской поэзии и прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 1977. 24 с.

⁵ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 63.

⁶ Там же. С. 191.

Родители не помогали. Папа несколько раз пылко рвался «поговорить по душам», заявив, что в лицейском содружестве Сеня **был бы Кюхлей**¹.

Конечно же, он плакал! Катя знала его как облупленного... Человек с пограничной психикой, первым делом он душой вознесся так высоко, что впору с жизнью расстаться! (*В лицейском сообществе ты был бы Кюхлей*)². (Здесь и далее курсив принадлежит Д. Рубиной. – В. Т.)

Детское восприятие слов дедушки и эмоции, связанные с ними, Гуревич переносит на взаимоотношения с сыном:

Занимая внушительный начальственный пост, по натуре дед оставался настоящей рабочей косточкой, соответственно и выражался, – хотя при внуке старался сдерживаться и потому делал крен в другую сторону, в сторону ласкательных суффиксов. Так, ему казалось, он уравнивает речь. «Ну что, Сенечка-сынуля, – спрашивал, – захаваем мороженку-пироженку?»³

Они [Гуревич с сыном. – В. Т.] вышли из парикмахерской и пошли торжественно угощаться мороженым. («Ну что, Сенечка-сынуля, захаваем мороженку?»)⁴.

Гуревич – человек глубокой словесной культуры. В его речи, речи его отца присутствуют цитаты, которые проходят рефреном и определяют отношение героя к жизни:

Все это его [Гуревича. – В. Т.] как-то не увлекало. Безумству храбрых поем мы славу, но избавьте нас от их назойливого присутствия⁵.

«Увидев наконец родимую обитель, Главой поник и зарыдал...» – неизменно повторял папа, открывая дверь сыну, вернувшемуся из школы⁶.

Отец Гуревича – член Пушкинского общества, в его речи часто встречаются отсылки к творчеству поэта – одному из лейтмотивов романа. Вспоминая об отце, сам Гуревич цитирует известные строки, предполагая его реакцию:

Ну как такое домой нести – к папе, члену Пушкинского общества? *«В день уныния смиришь, – скажет папа, – День веселья, верь, настанет...»*⁷

*Так вот где таилась погибель моя, – сказал бы здесь папа, – мне смертью кость угрожала!*⁸

¹ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 43.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Там же. С. 111.

Развертывание диалога в романе также весьма своеобразно. Рубина конструирует диалоги, состоящие из комментированных и некомментированных реплик. В некоторых случаях комментированные реплики различных персонажей построены параллельно, но помещены в разные абзацы:

«Суть маминой профессии, – заметил как-то папа, – увы, далека от поэзии».

«Суть твоей профессии, – немедленно отбила мама, – поэтичной тоже не назовешь»¹.

Выбор такого делимитационного решения обусловлен необходимостью обособленного звучания голосов персонажей. В сознании Гуревича родители предстают как самодостаточные личности, их пример остается для него идеалом. В дальнейшем так же строится диалог главного героя с женой:

«Выйду утром в сад босиком, – сказал жене с мечтательной слезою в голосе, – сорву лимон с дерева...»

«С твоей изжогой только лимоны жрать на голодный желудок!» – отозвалась Катя².

Чужая речь часто представлена в воспоминаниях главного героя, в которых без ответа остаются реплики маленького Гуревича, обращенные к взрослым. С одной стороны, это связано с тем, что изображается повторяющееся, типизированное речевое общение Сени с родителями:

Родителей видел редко, но слышал почти постоянно: – Почисть картошку... Почистил? Порежь ее кубиками, и с ножом там осторожней, без идиотских штук...³

С другой стороны, любящие взрослые не отвечают на вопросы ребенка, когда он проявляет интерес к трагическим ситуациям, чтобы уберечь его от их осознания:

А того, кто криком пытался прорваться за пределы этого мирка, брали в ординаторскую. – А что там с ним делают? – беспокоился Сеня. – Наказывают?⁴

Рубина, как и Петрушевская, стремится спрятать диалог внутри абзаца⁵, при этом реплики персонажей не отделяются друг от друга тире, сохраняя традиционную аранжировку КПП:

Папа был мягким и участливым человеком <...>. Всегда шел провожать гостей до остановки трамвая <...>. Сеня, уже подростком, как-то спросил: «Пап, зачем ты выясняешь, есть ли у человека три копейки, если вышел в тряпье без карманов, и у тебя самого ни копейки <...>?» «Я не могу не спросить», – ответил папа. «А если кто-

¹ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 7.

² Там же. С. 139.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Петрушевская Л. С. Девятый том. Москва: Эксмо, 2003. С. 322.

то скажет, что денег нет? Что ты сделаешь?» «Не знаю... – папа пожал плечами. – Но не спросить не могу»¹.

Гуревич стремится понять родителей: будучи взрослым, он пытается сформулировать для себя черты характера отца, подтверждая свои догадки с помощью включения отцовского голоса в собственные размышления. Рубина создает повышенную плотность КПП, располагая их контактно, актуализируя слова самого героя.

Как уже было отмечено, большую роль в представлении чужой речи играет ее пунктуационно-графическая аранжировка. Ряд фрагментов, объем которых варьируется от одного высказывания до нескольких абзацев, находится в сильной позиции текста и оформляется курсивом. Их интерпретация невозможна без учета композиционных особенностей романа, взаимопроникновения голосов автора, повествователя, персонажей. В следующем фрагменте звучит голос автора, который знает о Гуревиче больше, чем повествователь или сам персонаж:

Ничего, ничего, все нормально...

*Потом прошла целая жизнь, череда печалей и, все ж таки, радостей – тоже. Попал он в страну, где мандарины валяются под деревьями, нагнись-не хочу. Раза два они снимали квартиру по соседству с плантацией, и одуряюще назойливый запах цитрусовых донимал Гуревича до мигреней*².

В процессе изображения речи персонажей прозаик стремится к «преодолению молчания бумаги»³:

Домой еще надо было добираться. Тут и гардеробщик издал позвал, мол, милый, ты уж давай, собирайся, что эт ты застрял тут!⁴

Фрагменты чужой речи актуализированы в воспоминаниях главного героя на протяжении всего романа. Рубина графически передает особенности произношения персонажей, главных и второстепенных:

«Та божечки! Шо той жызни, сказала в его голове Тося из Ростова, повелительница рейтуз в тамошнем универмаге, – берите еще голубые, они же ж такие нежные!»⁵

Автор иронично передает речевые «неправильности», подчеркивая их вкрапления в несобственно-прямой речи⁶:

¹ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 14.

² Там же. С. 42.

³ Акимова Г. Н. и др. Синтаксис современного русского языка. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 57.

⁴ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 41.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск: Издательство Томского университета, 1968. 281 с.

<...> дядя Герман открывал потертый, но неуловимо шикарный авиационно-кожаный саквояж, вынимал из него яблоко сорта «белый налив» и угощал мальчика. Яблоки этого, любимого им, сорта привозили ему стюардессы *с разных югов*¹.

<...> мама знала уйму анекдотов, в любой компании, на улице или на пляже была видна издалека и, по словам папы, *влекла к себе неотвратимо*².

Роман отличается синкретизмом голосов различных персонажей, что акцентируется Рубиной в несобственно-прямой речи, которая получает разнообразную аранжировку даже на небольшом текстовом пространстве, например, оформляется курсивом, в кавычках или без них, что позволяет выразить разную степень проявления чужого слова:

Мама сама в воду никогда не лезла – как можно в такую холодрыгу! Но, дождь не дождь, мама брала зонтик, выводила Сеню на берег, приказывала раздеться и «окупнуться». Еще раз! Еще! *Последний раз, я сказала, попробуй только выскочить, я тебя немедленно прибую зонтиком!!!*

Приседая в мутной ледяной воде, Сеня издавал даже не вопли, а сдавленный визг. Затем мама выволакивала сына на берег и лупцевала свернутым в жгут полотенцем: разгоняла кровь. *Очень полезная процедура, да, можешь вопить, сколько влезет, тебя никто не спасет, дохлая ты мышь!*³

Пунктуационно-графическая аранжировка претерпевает изменения в зависимости от типов речи. В концепции С. Г. Ильенко дифференцированы информационный, демонстрационный и сентенционный типы речи⁴. В данных фрагментах необходимо также отметить синкретизм информационного и демонстрационного речевых типов. Звучание голоса персонажа нарастает, к завершению абзаца читатель слышит именно его. Для передачи несобственно-персонажной речи Рубина нередко выбирает вставные компоненты, что в целом характерно для современной прозы и создает иллюзию спонтанности речи⁵:

А еще Катя заполучила где-то свидетельство об окончании курсов для работников детсадов и яслей, и говорила, что всегда мечтала заниматься детьми и откроет там – вот увидишь, Гуревич, ты мне веришь, Гуревич? – частные дорогие ясли. Мы увидим, Гуревич, небо в алмазах. Мы отдохнем!⁶

¹ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 28.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 24.

⁴ Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 458–460.

⁵ Мартыанова И. А. Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 70.

⁶ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 133.

Катя уже придумала, как обустроить съемную квартиру (более просторную, и с двориком, и в хорошем районе; а может, замахнемся на коттедж, а, Гуревич?), чтобы разместить там свои частные ясли¹.

КПР и диалог присущи демонстрационному типу речи, в котором обнаруживается тождество времени истории и времени текста. Однако в романе «Маньяк Гуревич» фрагменты, представляющие воспоминания героя, чужую речь, получают непривычную пунктуационно-графическую аранжировку при изменении временных характеристик повествования, а также типов речи:

В общем, обычные люди, говорила мама, немецкой школы побаиваются².

Нет, ничего, успокаивали ее, это такой ребенок³.

Рубина демонстрирует не только многообразие способов изображения чужой речи, но и их конвергенцию. Чужая речь может быть представлена как конгломерат КПР, редуцированного диалога, тематической речи и др.:

Трубку сняли, и встрепенулись, когда Гуревич назвал: «Да-да, конечно, – проверка? Мне приехать с Ниночкой? Вообще-то у нас все в порядке».

– Да нет, – помявшись, проговорил Гуревич, – я по личному делу, Аркадий Янович. Можем мы пересечься... где-то в центре?

И они договорились о встрече⁴.

Особого внимания заслуживает изображение внутренней речи главного героя, которая маркирована повторяющимся вводным компонентом (*думал Гуревич*):

Господитыбожемой, думал Гуревич, вот уж у кого психические проблемы, так у этой бедняжки Адели. Этот голос без модуляций, мимика бедная страдальческая... уплощенный аффект. Похоже на депрессивное состояние, доходящее до психотического уровня... Что с ней делать? Что! С ней! Делать?!⁵

За далью даль, *думал Гуревич*; за бардаком и кошмаром всегда маячат другие кошмар и бардак⁶.

...Что-что, а виды здесь потрясающие, *думал Гуревич*, поднимаясь по сосново-кипарисовому серпантину Иерусалимского коридора⁷.

Внутренняя речь в романе предполагает ее озвучивание, что подтверждается использованием разнообразных высказываний по цели и по интонации, слиянием компонентов междометия, актуализацией пауз с помощью приема парцелляции.

¹ Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. С. 164.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 160.

Выводы

Таким образом, в романе Д. Рубиной «Маньяк Гуревич» функционируют разнообразные способы представления чужой речи. Взаимопроникновение голосов автора, повествователя, персонажей актуализируется с помощью конвергенции приемов. Развертывание диалога в сфере воспоминаний главного героя, а также особенности передачи его внутренней речи в целом демонстрируют изменения пунктуационно-графической аранжировки, вызванные синкретизмом информационного и демонстрационного типов речи. Способы передачи чужой речи, обладая текстообразующим потенциалом, создавая проспективные и ретроспективные связи, композиционно организуют текст. Их выбор обусловлен жанром романа (большая эпическая форма), уникальностью его хронотопа. Разнообразие способов конгениально замыслу произведения, системе взаимоотношений образов автора, повествователя, персонажей.

Список источников

- Акимова Г. Н. и др. Синтаксис современного русского языка. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 347 с.
- Аманалиева Ф. Б. Недиалогические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: [б. и.], 1989. 17 с.
- Баталова Т. М. Соотношения предикативных и релятивных отрезков текста (на материале английской поэзии и прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 1977. 24 с.
- Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 674 с.
- Логинов А. В. Вопросительное предложение и вопросо-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. 18 с.
- Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. Москва: Издательский центр РГГУ, 2005. 316 с.
- Мартынова И. А. Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 112 с.
- Милых М. К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 168 с.
- Петрушевская Л. С. Девятый том. Москва: Эксмо, 2003. 336 с.
- Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. Москва: Эксмо, 2021. 512 с.
- Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск: Издательство Томского университета, 1968. 281 с.
- Стельмашук А. П. Функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле (на материале подязыка медицины): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: [б. и.], 1987. 15 с.
- Чиркова Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте (на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. 19 с.

References

- Akimova G. N. i dr. *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of the modern Russian language]. St Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 347 p.

Amanalieva F. B. *Nedialogicheskie konstruksii s priamoi rech'iu i ikh funkcionirovanie v khudozhestvennom tekste* [Non-dialogical constructions with direct speech and their functioning in the fictional text: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1989. 17 p.

Batalova T. M. *Sootnosheniia predikativnykh i relativnykh otrezkov teksta (na materiale angliiskoi poezii i prozy)* [Ratios of predicative and relative parts in the text (by the material of English poetry and prose): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1977. 24 p.

Il'enko S. G. *Rusistika. Izbrannye trudy* [Rusistics. Selected works]. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. 674 p.

Loginov A. V. *Voprositel'noe predlozhenie i voproso-otvetnyi kompleks vo vnutrennei rechi personazha khudozhestvennogo realisticheskogo proizvedeniia* [Interrogative sentence and question-response complex in the inner speech of the character in a fictional realistic work: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. St Petersburg, 1992. 18 p.

Maksimova N. V. *“Chuzhaia rech'” kak kommunikativnaia strategiiia* [“Someone else's speech” as a communicative strategy]. Moscow: Izdatel'skii tsentr RGGU, 2005. 316 p.

Mart'ianova I. A. *Sintaksicheskaiia interpretatsiia sovremennogo prozaicheskogo diskursa* [Syntactic interpretation of modern prose discourse]. St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2021. 112 p.

Milykh M. K. *Sintaksicheskie osobennosti priamoi rechi v khudozhestvennoi proze* [Syntactic features of direct speech in fictional prose]. Khar'kov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1956. 168 p.

Petrushevskaiia L. S. *Deviati tom* [Ninth Volume]. Moscow: Eksmo, 2003. 336 p.

Rubina D. I. *Man'iak Gurevich* [Maniac Gurevich]. Moscow: Eksmo, 2021. 512 p.

Sokolova L. A. *Nesobstvenno-avtorskaia (nesobstvenno-priamaia) rech' kak stilisticheskaiia kategoriiia* [Improper-author (semi-direct) speech as a stylistic category]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1968. 281 p.

Stel'mashuk A. P. *Funkcionirovanie voprositel'nykh predlozhenii v nauchno-populiarnom stile (na materiale pod"iazyka meditsiny)* [Functioning of interrogative sentences in a popular science style (by the sublanguage of medicine): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1987. 15 p.

Chirkova N. I. *Reprezentatsiia dialoga v khudozhestvennom prozaicheskome tekste (na materiale romanov I. A. Goncharova “Obyknovennaia istoriia”, “Oblomov”, “Obryv”)* [Representation of the dialogue in the fictional prose text (based on the novels by I. A. Goncharov “A Common Story”, “Oblomov”, “The Precipice”): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. St Petersburg, 1992. 19 p.

Сведения об авторах

Валентина Николаевна Ткачева – аспирант; <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>, valentinaram271@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, Набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Valentina N. Tkacheva** – Postgraduate student; <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>, valentinaram271@yandex.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Naberezhnaia reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 09.06.2022; Approved after reviewing 06.07.2022; Accepted for publication 11.07.2022.